

Переоткрытие человеческого капитала в сложном обществе

С.А. Кравченко

Термин «человеческий капитал» появился сравнительно недавно. В научный оборот его ввел Г. Бейкер. В 1964 г. он написал работу, которая так и называлась «Человеческий капитал». Как изначально определялся «человеческий капитал»? Под человеческим капиталом автор подразумевал прагматизм – прежде всего престижное образование, которое позволяло получить повышенный спрос на рынке труда. Надо сказать, что такой подход до сих пор используется в науке, особенно в экономике. Человеческий капитал определяется по годовому приросту объема производства. А иногда еще проще: по уровню ВВП.

Какой существенный недостаток у этого подхода? Это, естественно, односторонний экономически детерминизм. Определять так социальный капитал, особенно капитал человеческий, просто нельзя. Поэтому на фоне этой критики сразу же появились подходы, в рамках которых стали говорить: «Есть еще и политический, и социальный капитал». Политический капитал стали понимать исходя из уровня участия людей в политической жизни страны. Тут же подсутились психологи и тоже стали вносить свою лепту в определение человеческого капитала. И прежде всего я хотел бы назвать здесь пирамиду А. Маслоу, согласно которой, чем больше людей поднимается по этой пирамиде, тем выше человеческий капитал в той или иной культуре.

Недостатки этих подходов были замечены выдающимся современным социологом П. Бурдье. Как известно, он написал целый ряд работ, которые посвящены проблематике капитала, в том числе человеческого капитала. Этот мыслитель исходит из того, что человеческий капитал многогранен, его нельзя свести к тому или иному аспекту. П. Бурдье выделил четыре основные формы капитала (это не значит, что нет других):

- 1) капитал социальный;
- 2) капитал символический;
- 3) капитал экономический;
- 4) капитал культурный.

Нет надобности приводить их определения, так как все они есть в известных работах П. Бурдье, равно как и в социологических учебниках. Принципиальная значимость метода П. Бурдье состояла в том, что он показал, как эти капиталы могут конвертироваться друг в друга. Если иметь экономический капитал, то запросто можно обрести и политический капитал. А если есть политический капитал, то его легко конвертировать в капитал экономический. Но, по П. Бурдье, есть только один капитал, который категорически не подлежит конвертации, – это культурный капитал. Все можно обменять, а культурный капитал – нет. Если сам трудиться не будешь, не будешь получать образование, ты его просто не приобретешь. Поэтому в социальном капитале П. Бурдье особое влияние уделял культурному капиталу.

Сейчас происходит бум переоткрытия человеческого капитала. Если мы посмотрим тематику как европейских, так и всемирных социологических конгрессов, там всегда присутствуют сессии, посвященные человеческому капиталу, на которых обсуждается проблема инновационных подходов к человеческому капиталу. С чем это связано? По мнению подавляющего большинства современных социологов, общество вступило в совершенно новое качество – качество сложности. Наш выдающийся академик Н.Н. Моисеев написал известную работу, которая называется «Расставание с простотой». Я не буду сейчас ее пересказывать, но обозначу тезисно ряд моментов:

- во-первых, впредь будущее не предугадано, и его детально определить нельзя. Будущее представляет собой возможность выбора из многих альтернатив. Раньше никогда об этом не говорилось;

- во-вторых, нужно иначе посмотреть на достижения техники и технологии. Под углом зрения ценностей того, что имеет место не просто техника как таковая, а нужна техника, которая была бы востребована человеком в гуманистическом плане.

Эти идеи Моисеева и других современных социологов так или иначе присутствуют в понимании того, что есть социальный капитал сегодня. Я тезисно назову некоторые позиции, которые прозвучали на последних европейских и всемирных социологических конгрессах. Это прежде всего суждения У. Бека, озвученные на последнем европейском конгрессе, на сессии, которая называлась «Общество риска двадцать пять лет спустя». Как известно, буквально двадцать пять лет назад У. Бек написал книгу «Общество риска». Так вот, за двадцать пять лет, с точки зрения самого У. Бека, произошли такие изменения, что это заставило его написать новую книгу, которая бы учитывала эти новации. Она была презентована на этом форуме. Эта книга называется «Мировое общество риска», в которой автор говорит, что он пересматривает многие свои положения. Не потому, что они были неправильны для того времени. Для того времени они были верны. А потому, что мы вступили в совершенно новое общество. И это мировое общество риска характеризуется тем, что появились принципиально новые риски. И все эти риски выходят на проблематику человеческого капитала. Этих рисков три:

- эти риски делокализованы, они не находятся в каком-либо конкретном пространстве. Как только они возникают, они сразу же приобретают глобальный характер;

- эти риски неисчислимы. Посчитать их, измерить в экономическом эквиваленте абсолютно невозможно;

- эти риски некомпенсируемы. Вмешательство людей, особенно попытки некоторых современных ученых вторгнуться в генетику человека, может привести к таким необратимым

последствиям, которые компенсировать будет невозможно. Сказанное касается и климатических изменений. Все это, конечно, выходит на проблематику человека.

К проблемам климата в контексте его влияния на судьбу человеческого капитала обратился другой выдающийся современный социолог – Э. Гидденс. В одной из последних работ, которая называется «Политика климатических изменений», он обосновывает эффект, который нескромно назвал «эффектом Гидденса». Суть эффекта заключается в том, что люди не соизмеряют свои действия с возможными негативными последствиями для человечества, для человеческого капитала в самом ближайшем будущем. И это происходит, по мнению Э. Гидденса, как на микро-, так и на макроуровне. Он приводит такой пример. Подросток, юноша или девушка курит. И все прекрасно знают, что курить вредно. Но что значит вредно курить? Сегодня последствия неощутимы, завтра также, через три года они вряд ли проявятся. А вот через 15–20 лет, возможно, они дадут о себе знать. Но уже произойдут те необратимые изменения, которые поправить будет очень и очень сложно.

Но Э. Гидденс, конечно же, тревожит не то, что какой-то подросток закурил или выпил. Его интересует более серьезная проблематика – отношение к климату и природе. Это заключается в том, что все современные политики прекрасно понимают, что так жить нельзя, так хищнически относиться к природе нельзя. Но все исходят из того, что мне сейчас хорошо, я какие-то дивиденды политические, экономические получу. А то, что будет через 10–15 лет, с этим будут разбираться другие политики. Но другие люди могут уже не разобраться, потому что происходят необратимые изменения.

По этому же поводу выпустил книгу и презентовал ее на том же форуме Дж. Урри. Он ратует за три поворота в общественных науках:

- первый поворот – это сложности;

- далее – это поворот мобильности, предполагающий, что надо совершенно иначе посмотреть на миграцию, на мобильность мест. Раньше эту проблематику никто не изучал. Никому и в голову не приходило, что места могут двигаться;

- наконец, это ресурсный поворот, на котором необходимо остановиться несколько подробнее. Проблема заключается не в том, что где-то теплеет или холодает. Проблема в том, что происходит турбулентция климата, и люди должны понимать, что климатические изменения, которые происходят, должны стать в центре социологической науки. Сама социология осмыслить эти проблемы не может. Социология этими проблемами никогда не занималась, и сейчас она выходит на сотрудничество с естественными науками. Поэтому Дж. Урри ратует за интеграцию социологии с естественным знанием. Первые социологии стремились, как известно, отпочковаться и от философии, и от естественных наук. Сейчас имеет место обратный поворот.

Еще один момент, на котором я хотел бы остановиться, имеет прямое отношение к человеческому капиталу. Это эффект «нормальных аварий», который обосновал Ч. Перроу, обосновал достаточно давно, десятилетия назад. В прошлом году он выпустил книгу, которая называется «Следующая катастрофа», где говорит, что эффект нормальных аварий пришел в нашу повседневную жизнь. В чем суть нормальных аварий и как могут быть вообще аварии «нормальными»? Авария не может быть нормальной по определению.

Почему же идет речь о нормальной аварии? Ч. Перроу ведет речь о нормальной аварии в том контексте, что предрасположенность к нормальным авариям характерна для сложных систем, имеющих тенденцию внутреннего саморазвития. И вот это внутреннее саморазвитие, которое зависит только от системы, а не от внешнего фактора, порождает другую сложную причинность. Она выражается в том, что причиной нормальных аварий может стать внутреннее саморазвитие систем. Предугадать возможность такой нормальной аварии почти невозможно. Они, по существу, являются результатом развития новых сложных технологий. С этими нормальными авариями нужно как-то жить.

Что в сухом остатке? Современные социологи, обществоведы повернулись к тому, что для сохранения человеческого капитала, для его приумножения необходима интеграция социальных и естественных наук. Правильно? Да, правильно. Но, на мой взгляд, этого недостаточно. К этому союзу естественных и социальных наук необходимо добавить еще один компонент – союз с гуманитарными науками. Без гуманитарного знания решить эти проблемы просто невозможно.

И особенность российской социальной науки состоит в том, что у нее всегда был гуманитарный стержень. Это характерно и для трудов П.А. Сорокина, и для трудов тех ученых, имена которых были названы сегодня: А.Ф. Шишкина, Г.П. Францева, Г.К. Ашина, А.И. Подберезкина.

В чем квинтэссенция труда Алексея Ивановича? Это три составляющих человеческого капитала:

– первое – это идеология русского социализма;

– второе – это качественное развитие институтов, и прежде всего института государства в направлении поворота лицом к человеку;

– и третье – это формирование креативного класса. С его точки зрения, этот интегральный подход дает понимание человеческого капитала.

Я полностью согласен с этой концепцией. Но тем не менее предлагаю свою концепцию человеческого капитала, которую изложил в своей книге «Становление сложного общества». Она несколько иная:

– это сетевая модель гуманистического капитала. Очень кратко. Почему сетевая? Потому что современное сложное общество – общество сетевое, и мы должны в этом контексте учитывать все компоненты нашего капитала. Как часть нашего национального капитала, мы должны рассматривать, например, тех представителей, которые находятся за рубежом. Мы также должны переосмыслить роль тех людей, которых никогда не считали социальным капиталом, например, лиц, отбывающих наказание в тюрьме. Это тоже наш капитал, особенно в контексте его использования. Длительное время мы не рассматривали как капитал инвалидов. А количество инвалидов растет, и нужно не просто им дать экономическую помощь, а задействовать их так, чтобы они органично вошли в нашу жизнь;

– вторая составляющая моей концепции: я делаю акцент на гуманистической составляющей. Дело в том, что все проходившие модернизации, будь то в нашей стране, будь то в других странах, были модернизациями технологического плана. С моей точки зрения, мы дошли до такой черты, что нам нужна не просто модернизация, а гуманистическая модернизация в интересах развития человеческого капитала;

– и, наконец, чтобы возродить российский человеческий капитал, нам необходимо утверждение принципиально нового мышления – нелинейно-гуманистического. Мышления, которое схватывало бы эти сложности социальных реалий, с одной стороны, а с другой – было бы ориентировано на решение собственно гуманистических проблем человека.

Kravchenko S.A. The rediscovery of the human capital in a complex society.